

В 2003 году Банк России принимает меры по усилению контроля за адекватностью капитала российских банков. Если не учитывать социально-экономическую обстановку в стране, состояние финансового и денежного рынков, реальные возможности коммерческих банков по увеличению собственной капитализации, качество исполнения Центральным банком возложенных на него функций и тому подобное, эти меры сами по себе могут быть расценены вполне положительно. Нормативные документы Банка России часто представляют собой достаточно подробный перевод соответствующих директив, издаваемых органами государственного регулирования и надзора за состоянием финансового рынка в европейских странах. Однако разрыв между уровнем развития финансового и денежного рынков промышленно развитых стран и России не только не уменьшается, но по отдельным позициям и увеличивается. В этих условиях какими бы правильными ни были инструктивные материалы Центрального банка и какими бы обоснованными ни казались действия его надзорных органов, они по-прежнему далеки от решения проблем реальной экономики и банковского бизнеса в России. Как водится, строгость российских законов, оторванных от реальных потребностей и интересов экономических субъектов, может компенсироваться только необязательностью их исполнения. Вместе с тем несоблюдение действующего законодательства само по себе представляет крайне негативное явление, поскольку расширяет социально-экономическую базу коррупции и криминалитета. Причём это в полной мере касается и тех, кто данные законы и нормативные документы принимает.

Меры по ужесточению контроля за процессом формирования собственного капитала банков были бы оправданными, если, во-первых, требования Центрального банка к абсолютным и относительным размерам капитала были бы экономически обоснованными с точки зрения потребностей развития российской экономики, а не экономики промышленно развитых стран. Во-вторых, если бы Правительство и Банк России несли реальную ответственность за состояние финансовой системы и решение проблем неплатёжеспособных и неликвидных банков с минимизацией отрицательных последствий для их кредиторов, вкладчиков, для экономики в целом. В противном случае эффект от указанных мер с точки зрения развития экономики будет не просто нулевой, а с отрицательным значением.

Вышесказанное полностью относится к принятому 10 февраля 2003 года *Положению Центрального банка № 215-П «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций»*, зарегистрированному в Министерстве юстиции Российской Федерации 17.03.2003 года. Это Положение вносит изменения в ранее принятые методики определения собственных средств кредитных организаций и предусматривает исключение из расчёта капитала той части источников собственных средств банков, для формирования которых инвесторами были использованы ненадлежащие активы. Под ненадлежащими активами понимается имущество,

предоставленное инвестору прямо или через третьих лиц самой кредитной организацией, а также другими лицами, если кредитная организация приняла на себя риски погашения потерь, возникшие в связи с предоставлением указанного имущества.

Поясним, против кого или чего формально направлено данное требование Центрального банка. Прежде всего — против банков, которые в целях удовлетворения экономически необоснованных нормативов достаточности капитала, установленных Банком России, и расширения объёма активных операций, дополнительного привлечения средств клиентов используют возможность увеличения уставного капитала за счёт своих же кредитов, предоставляемых потенциальным акционерам (участникам). В результате фактического увеличения капитала и притока дополнительных инвестиций в банк не происходит, однако формально, по балансу, величина собственных средств банка существенно возрастает.

Как правило, такого рода операции происходят в скрытой форме, при их проведении фигурируют третьи лица. Банк выдаёт кредит одному заёмщику, тот на каком-либо формальном основании передаёт средства третьему лицу, которое и вносит их в уставный капитал банка. По существу, средства клиентов и вкладчиков банка, которые были предоставлены ему на определённый срок, мультиплицируются в бессрочные обязательства банка, правда, перед третьими лицами. Однако этим бессрочным обязательствам противостоят активы банка, то есть его требования к третьим лицам, с определённым сроком погашения и уровнем доходности. Это означает, что данные требования могут быть в течение указанного срока погашены, например, в случае прибыльной работы банка и/или его акционеров. В свою очередь, если это произойдёт, то можно сказать, что уставный капитал банка в конечном итоге был увеличен за счёт надлежащих активов. Проблема в том, что такого благоприятного развития событий может и не произойти. Тогда, например, в случае ликвидации банка кредиторы и вкладчики будут иметь дело с дутыми активами и дутым уставным капиталом банка. Естественно, что вероятность возникновения такой ситуации не может не волновать органы государственного регулирования в случае, если центральный банк или государственная страховая компания будут обязаны выплачивать кредиторам и вкладчикам компенсацию в достаточно крупных размерах. Не говоря уже о стопроцентной компенсации потерь вкладчиков и кредиторов неплатёжеспособных банков, как это практиковалось в скандинавских странах во время банковского кризиса в начале 1990-х годов и практикуется сейчас в целях преодоления последствий банковского кризиса в Японии.

В этой связи промышленно развитые страны в последние годы предприняли ряд мер, направленных на ограничение таких возможностей коммерческих банков. В частности, был усилен контроль за формированием их капитала. В странах зоны евро эти меры были связаны ещё и с тем обстоятельством, что с 1999 года они перешли на новую систему контроля за уровнем ликвидности банков. Ранее действовавшая система предполагала контроль за соответствием сроков выданных

кредитов и инвестиций коммерческих банков срокам привлечённых депозитов и полученных кредитов, а также за соответствием величине собственных средств. В рамках новой системы от такого подхода отказались. В настоящее время руководители Евросистемы при определении уровня ликвидности коммерческих банков исходят из понимания того, что, во-первых, трансформация краткосрочных обязательств в долгосрочные активы является одной из функций коммерческих банков и её искусственное сдерживание с помощью ранее применявшихся нормативов ликвидности отрицательно сказывается на эффективности деятельности банков. Во-вторых, в среднесрочном и долгосрочном плане нормально функционирующий банк не будет иметь затруднений с ликвидностью, то есть с выполнением своих текущих обязательств перед кредиторами и вкладчиками. Поэтому главное внимание теперь уделяется вопросам поддержания необходимого уровня ликвидности банков в краткосрочном плане. Прежде всего, контролируется достаточность ликвидных активов для выполнения обязательств банка в течение ближайшего месяца. Однако в рамках такого подхода не уделяется должного внимания возможному формированию кредитных пирамид, с помощью которых выданные банком кредиты могут трансформироваться в его собственные средства. В такой ситуации в европейских странах были приняты дополнительные меры по контролю за формированием собственных средств банков, которые могли послужить для Банка России в качестве первоисточника при принятии аналогичных действий по отношению к российским кредитным организациям.

В том, что органы государственного регулирования одних стран предпочитают использовать уже имеющиеся и апробированные в других странах способы и методы, нет ничего необычного и предвзятого. Однако **механическое и механистическое копирование опыта других стран без учёта национальных особенностей и экономических реалий, как правило, приносит прямо противоположный результат.**

В России первым коммерческим банком, который в крупных размерах воспользовался в начале 90-х годов возможностью увеличения размеров уставного капитала за счёт предоставления инвесторам кредитов через третьих лиц, был банк МЕНАТЕП. Его руководство разработало схему, в соответствии с которой инвесторы получали беспроцентный кредит в размере $\frac{2}{3}$ номинальной стоимости покупаемых акций. Этот кредит предоставлялся дочерними структурами банка, выступавшими в роли посредников и организаторов подписки на акции. Формально лица, подписавшиеся на акции, вступали с посредником в правоотношения как по поводу подписки на акции банка МЕНАТЕП, так и оплаты полученного кредита в размере $\frac{2}{3}$ акций. Эти правоотношения оформлялись сертификатом, который выдавался посредником инвестору после внесения им $\frac{1}{3}$ номинальной стоимости акций и оплаты дополнительных услуг по оформлению сертификата, хранению акций и тому подобное. Инвесторам гарантировалась выплата 4 % годовых на сумму фактической оплаты акций, что в то время в два раза превышало возможный доход от внесения средств во вклады Сберегательного банка. Однако инвесторы не имели права участия в управлении банком до полной оплаты стоимости акций. Это право оставалось

за посредником. При этом в сертификатах отсутствовало чёткое определение срока погашения кредита. Указывалось, что кредит предоставляется сроком на один год с автоматической пролонгацией ещё на один год. Таким образом, создавалась возможность формирования кредитной пирамиды, трансформации краткосрочных кредитов в долгосрочные и даже бессрочные кредиты.

Фактически дочерние структуры банка выдавали кредит за счёт средств самого банка, полученных ими или в форме вноса в уставный капитал, или в форме вкладов. Причём сами инвесторы никакого реального кредита не получали. Деньги из банка никуда не уходили. Кредит просто трансформировался в оплату вноса в уставный капитал банка МЕНАТЕП в виде формальной оплаты акций, поступавших в управление его дочерних компаний. Иными словами, средства, выданные банком в качестве кредита или внесённые в уставный капитал дочерних компаний, обратно возвращались в банк и шли на увеличение, вернее, раздувание его собственного уставного капитала. Реально уставный капитал увеличивался на 1/3 от его регистрируемой величины за счёт фактически внесённых инвесторами денежных средств. При этом инвесторы покупали, по существу, привилегированные акции, а также право их конверсии в обыкновенные акции и право на покупку дополнительного числа выпущенных акций в размере формально полученного кредита. Таким образом, банк МЕНАТЕП не просто увеличивал свой уставный капитал за счёт, как теперь бы сказали, ненадлежащих активов, но и обходил другое ограничение законодательства в отношении возможной суммы выпуска привилегированных акций.

В принципе механизм привлечения потенциальных инвесторов и втягивания их в подписку на акции и другие ценные бумаги путём предоставления им определённых льгот, в том числе в форме кредита под залог покупаемых ценных бумаг, не является чем-то новым. В своё время он достаточно широко использовался в развитых странах, особенно на этапе становления и развития акционерных обществ. С определёнными ограничениями он используется и в настоящее время. Однако изобретательности руководства банка МЕНАТЕП следует отдать должное. Оно одним выстрелом убивало сразу нескольких зайцев. Во-первых, благодаря используемой схеме существенно повышалась привлекательность размещаемых акций, что позволяло банку аккумулировать достаточно крупные средства в виде реальной оплаты части уставного капитала. Во-вторых, указанные средства в основном привлекались за счёт выпуска, по существу, привилегированных акций, которые не оказывали существенного воздействия на сложившуюся систему управления банком. В-третьих, банк за счёт так называемых кредитов получал возможность зарегистрировать увеличение своего капитала на сумму, в три раза превышающую фактическую величину привлечённых от инвесторов средств. Это позволяло ему войти в число крупнейших на тот период времени российских банков, что, в свою очередь, предоставляло право участия в различных государственных целевых программах, возможность получить доступ к распоряжению бюджетными средствами. Наконец, у банка сохранялись достаточно

хорошие перспективы в течение нескольких лет пополнять свой уставный капитал реальными денежными средствами в результате погашения инвесторами формально предоставленных им кредитов и фактической оплаты выпущенных акций.

Эта схема была придумана и реализована в период «двоевластия» в банковской системе, в течение которого Государственный банк СССР постепенно лишался полномочий и уступал их своему бывшему территориальному управлению, которое превратилось в Центральный банк РСФСР. Управление ценных бумаг Госбанка СССР обратило внимание на сомнительную правовую и экономическую «чистоту» рассмотренной схемы увеличения уставного капитала. Главное нарушение, правда, Госбанк СССР усмотрел не в том, что коммерческий банк увеличивал свой капитал за счёт ненадлежащих активов, а в том, что форма договора между банком-кредитором и потенциальным инвестором предусматривала возможность получения бессрочного кредита. В соответствии с действовавшим законодательством, если срок погашения кредита не установлен, то это означало, что кредитор имеет право потребовать от заёмщика оплату кредита в любое время, а должник обязан погасить свой долг в течение 7 дней после получения такого требования от кредитора. Это обстоятельство, по мнению представителей Госбанка СССР, могло поставить инвесторов в крайне невыгодное положение. Основные претензии Госбанка СССР, таким образом, были связаны с необходимостью защиты прав и интересов мелких инвесторов.

Вероятно, подобный сценарий развития событий даже в голову не приходил разработчикам рассмотренной схемы увеличения уставного капитала. Их основная цель заключалась в расширении капитала за счёт кредитов самого банка, которые впоследствии могли быть погашены потенциальными инвесторами. Но это уже не имело для банка столь принципиального значения. Требовать досрочного погашения кредита было невыгодно прежде всего самому банку. В этом случае под угрозу ставилось бы достижение основной цели. Если бы разработчики схемы предполагали, с какой стороны на них обрушится критика, они, возможно, предусмотрели бы ограничения максимального срока пролонгации кредита.

Однако банку МЕНАТЕП, можно сказать, повезло. К этому времени Госбанк СССР уже не располагал властными полномочиями. А руководство Центрального банка РСФСР, во-первых, конкурировало с Госбанком СССР за влияние на коммерческие банки и потому с определённым недоверием относилось к различным инициативам Госбанка СССР в этой области. Во-вторых, Центральный банк РСФСР не имел ни реальной возможности, ни желания жёстко контролировать и ограничивать деятельность одного из самых активных на тот период времени российских коммерческих банков. Ко всему прочему следует отметить, что акции банка МЕНАТЕП активно распространялись между сотрудниками как Центрального банка РСФСР, так и Госбанка СССР. В результате руководство коммерческого банка в полном объёме реализовало свою схему увеличения капитала.

В случае с банком МЕНАТЕП его действия по увеличению уставного капитала за счёт ненадлежащих активов не были связаны с необходимостью удовлетворения экономически необоснованных требований Центрального банка, касающихся минимальной величины собственных средств коммерческого банка. Руководство банка было заинтересовано в раздувании своего капитала в целях формирования имиджа и признания за собой статуса крупного российского банка. Это позволяло ему участвовать в реализации ряда целевых государственных программ, получить доступ к распоряжению средствами государственного бюджета, приобрести более солидный вес в глазах потенциальных иностранных инвесторов. Однако указанные цели не шли вразрез с интересами основной массы действующих и потенциальных акционеров. С этой точки зрения, а также по сравнению с будущими действиями и целями устроителей финансовых пирамид, включая пирамиду государственных краткосрочных обязательств, операцию по увеличению капитала банка МЕНАТЕП можно рассматривать как образец экономической невинности.

Механизм ненадлежащей трансформации долговых обязательств банка в уставный капитал и наоборот активно использовался многими крупными американскими банками и промышленными компаниями. В ряде случаев подобные действия были направлены на восстановление рыночной дисциплины, повышение эффективности использования имеющихся ресурсов и ответственности менеджеров за результаты своей деятельности перед акционерами. Дело в том, что, теоретически имея возможность оказывать воздействие на деятельность исполнительных органов управления, на практике акционеры в условиях значительной распылённости акций между многими мелкими держателями часто не располагают реальными рычагами контроля над своими менеджерами. Это приводит к тому, что руководство, в частности, крупного банка, начинает, как говорится, обрастать жиром, приобретает за счёт банка дорогостоящие самолёты, яхты, автомобили, объекты недвижимости и так далее. При этом не уделяется должного внимания проблемам повышения прибыльности банковских операций. В целях повышения личной экономической безопасности и снижения рисков допускается неоправданное разбухание ликвидных (однако малоприбыльных) активов. В целом проводится политика, направленная на улучшение своего положения в ущерб интересам большинства акционеров. В этих условиях ряд акционеров, а также конкуренты банка могут попытаться совершить «управленческий переворот». Например, если текущая рыночная стоимость контрольного пакета акций банка или компании составляет 10 млрд. долларов, затраты на его приобретение оцениваются в 12 млрд. долларов, а предполагаемая стоимость акций только за счёт улучшения системы управления и распродажи излишнего дорогостоящего имущества — в 16 млрд. долларов, то покупка компании или банка может рассматриваться как исключительно выгодное мероприятие. Проблема только в том, где взять указанные 12 млрд. долларов. Часто это происходило следующим образом. Заинтересованные лица получали крупные кредиты в целях покупки контрольного пакета акций. После установления контроля

они заставляли руководителей исполнительного органа организовывать выпуски облигаций и за счёт полученных средств погашали свою задолженность по кредитам. В ряде случаев этим же приёмом пользовались сами менеджеры в целях предотвращения враждебного поглощения банка его конкурентами. На сумму выпущенных облигаций осуществлялась покупка контрольного пакета акций, позволяющего заблокировать любое нежелательное решение собрания акционеров и владельцев других крупных пакетов акций.

Наиболее активно указанные операции осуществлялись в США во второй половине 1980-х годов. Характерно, что в период с 1985 по 1989 год величина средств, привлекаемых американскими корпорациями за счёт дополнительного выпуска облигаций, составляла в среднем порядка 100 млрд. долларов в год. И примерно на такую же сумму ежегодно уменьшался объём обращавшихся на рынке акций. Наиболее известным примером и наиболее крупной сделкой, связанной с приобретением контрольного пакета акций за счёт полученных кредитов, является покупка в 1989 году 74 % акций корпорации RJR Nabisco на сумму 18,9 млрд. долларов компанией Kohlberg Kravis Roberts & Co. Из указанной суммы только 2 млрд. долларов составляли собственные средства участников данной компании. Остальная часть была получена от инвестиционных и коммерческих банков. В частности, кредит на сумму 11,9 млрд. долларов предоставил банковский синдикат, состоявший из 45 американских, японских, европейских и канадских банков и возглавлявшийся четвёркой американских банков, в числе которых были Citibank, Chase Manhattan Bank и Manufactures Hanover Trust Co. Только инвестиционные банки заработали на этой сделке примерно 600 млн. долларов. Однако, поскольку уже через несколько лет рыночная стоимость акций корпорации RJR Nabisco возросла на 17 млрд. долларов, можно считать, что они заслужили свои комиссионные ¹.

Хорошо это или плохо? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. С одной стороны, подобные действия помогают поддерживать рыночную дисциплину и препятствуют неэффективному использованию ресурсов. С другой стороны, они существенно повышают риск возможной неплатёжеспособности банка. Как правило, массовый выпуск облигаций и существенное увеличение их доли по отношению к акционерному капиталу обычно сопровождаются снижением рейтинга долговых обязательств банка или компании. Это может привести к тому, что в дальнейшем у банка возникнут трудности в процессе привлечения дополнительных заёмных средств, что неизбежно отрицательно скажется на его ликвидности, то есть способности выполнять свои текущие обязательства. В свою очередь, временные проблемы с ликвидностью в сочетании с возможным оттоком средств кредиторов и вкладчиков из банка могут превратиться в долгосрочные, которые, как правило, приводят к полной неплатёжеспособности банка, его банкротству. Речь в данном случае идёт только об очень крупных компаниях и банках, акции которых котируются на первоклассных биржах, а долговым обязательствам

¹ Kohn M. Money, Banking, and Financial Markets Second Edition. N.Y.: The Dryden Press. 1993, P. 345, 372, 373; Burrough B., Helyar J. Barbarians at the gate: the fall of RJR Nabisco. N.Y.: Harper Perennial. 1990. P. 505

присваиваются соответствующие рейтинги агентствами с высокой международной репутацией. Причём, как правило, кредиторы и вкладчики таких банков обладают большей защищённостью с точки зрения возможной компенсации государством их потерь в случае банкротства банков. Однако такая защищённость достигается за счёт кредиторов и вкладчиков других банков, а в ряде случаев — за счёт всех налогоплательщиков. И с этой точки зрения отрицательное отношение органов банковского надзора и контроля развитых стран к подобным схемам, а также принятие мер по их предотвращению или ограничению вполне закономерно и обоснованно.

В условиях российской действительности дело обстоит более сложно. С одной стороны, аналогичный подход может и должен быть применён Центральным банком по отношению к крупным международно активным российским и иностранным банкам. С другой стороны, **ужесточение контроля за формированием капитала российских банков надлежащими активами должно сопровождаться, во-первых, принятием более адекватных требований к достаточности капитала.** Во-вторых, важным условием достижения положительных результатов от усиления контроля над формированием капитала российскими банками является изменение политики Центрального банка в отношении размеров и порядка расчёта обязательных резервов, нормативов ликвидности, а также ряда других нормативов. Имеется в виду их изменение в таком направлении, которое бы привело к тому, что относительные возможности кредитования российскими банками национальной экономики оказались хотя бы на уровне тех, которыми располагают коммерческие банки развитых стран. Следующим необходимым условием является соответствующее повышение ответственности самого Правительства Российской Федерации и Центрального банка России за поддержание стабильности и эффективное функционирование банковской и финансовой системы, решение проблемы реорганизации и ликвидации неплатёжеспособных банков с учётом интересов клиентов, кредиторов и вкладчиков.

Усиление контроля Центрального банка за формированием собственного капитала банков должно сопровождаться, по крайней мере, созданием адекватной системы государственного страхования депозитов, которая бы отвечала задаче обеспечения стабильности банковской системы. В США, например, максимальная сумма страхового возмещения на одного вкладчика банка, включая юридические лица, с 1980 года составляет 100 тыс. долларов. Причём на практике реальные объёмы компенсации потерь кредиторов и вкладчиков несостоятельных банков существенно превышают размеры установленного страхового возмещения. В зависимости от используемой формы ликвидации банка происходит полная или частичная компенсация средств незастрахованных вкладчиков и кредиторов. К ним относятся вкладчики, чья сумма вклада превышает 100 тыс. долларов, банки, а также нерезиденты и кредиторы по общим основаниям, непосредственно не связанным с осуществлением банковской деятельности. В среднем незастрахованным кредиторам и вкладчикам ликвидируемых банков компенсируется примерно 60—80 % вложенных средств.

В Японии с середины 1996 года в целях преодоления банковского кризиса и недопущения краха всей финансовой системы государство фактически перешло на стопроцентную компенсацию средств всем кредиторам и вкладчикам неплатёжеспособных банков. В 1998 году, когда масштабы возникших проблем ещё не были осознаны в полном объёме, было принято решение о том, что по окончании банковского кризиса будет осуществлён переход на систему государственного страхования вкладов в коммерческих банках, во многом аналогичную той, которая применяется в США. Максимальная сумма страхового возмещения была установлена в размере 10 млн. иен на одного вкладчика. Эту систему планировалось ввести в 2001 году. Однако ввиду сохраняющейся нестабильности банковской системы сроки её введения были перенесены на 2005 год. Более того, опыт преодоления последствий современного банковского кризиса привёл руководителей Правительства и Банка Японии к пониманию необходимости сохранить стопроцентную гарантию возврата клиентам банков денежных средств, находящихся на расчётных счетах, по которым не выплачиваются проценты.

В период банковского кризиса в скандинавских странах в 1990—1994 годах всем клиентам банков была также обеспечена стопроцентная гарантия возмещения вкладов, в том числе посредством временной национализации ряда крупных банков. В Финляндии государственная гарантия возмещения всех средств кредиторов и вкладчиков банков сохранялась до 1998 года. В Германии государственная гарантия страхового возмещения вкладчикам несостоятельных банков в настоящее время установлена (в соответствии с общими принципами организации системы страхования депозитов и выплаты возмещения пострадавшим вкладчикам несостоятельных банков ЕС) на уровне 20 тыс. евро. Однако на практике в Германии сформирована такая система обязательного и добровольного, государственного и частного страхования, которая позволяет говорить о стопроцентном страховании вкладов и депозитов во всех коммерческих банках². Во Франции максимальный размер страхового возмещения установлен в сумме 76 тыс. евро в расчёте на одного вкладчика³.

В России принятый в конце 2003 года закон о страховании вкладов граждан в коммерческих банках не отвечает задаче обеспечения стабильности банковской системы и предотвращения разрушительных последствий для экономики банковских кризисов. Во-первых, он предусматривает лишь страхование вкладов физических лиц. Между тем, если для физических лиц денежные обязательства банка в основном выполняют функцию средства сбережения, то для юридических лиц они являются фактически единственной формой денег, выполняющей функцию средства расчётов и платежа. Для юридических лиц возможные потери денежных средств, представленных в форме обязательств коммерческих банков по расчётным счетам, неминуемо приводят к падению объёмов производства товаров и услуг, или к банкротству. При этом в первую очередь страдают нанятые ими

² См.: Deutsche Bundesbank (2000). Deposit protection and investor compensation in Germany. Monthly Report July 2000. См.: www.bundesbank.de

³ Banque de France. Working Paper Series. No. 93. November 2002. P. 10

рабочие и служащие, то есть граждане, для которых получаемая заработная плата является источником не только сбережений, но и условием физического выживания их самих, а также зависимых от них членов семьи. Во-вторых, устанавливается недопустимо низкая сумма страхового возмещения. В полном объеме должны возмещаться вклады на сумму до 100 тыс. рублей, что составляет менее 3 тыс. евро. Отметим, что в то время как минимальный капитал российских банков установлен в размере 5 млн. евро и его величина соответствует минимальному капиталу для вновь образуемых банков в странах Европейского союза, то величина страхового возмещения по вкладам в российских банках зафиксирована в рублях. Причём сумма страхового возмещения даже близко не соответствует той, которая используется в ведущих странах мира. Утверждения о том, что такая низкая сумма страхового возмещения определяется ограниченными экономическими возможностями государства, не выдерживают никакой критики. В США система государственного страхования депозитов была принята в целях преодоления последствий Великой депрессии и введена в действие в 1934 году. В тот период экономическая и социально-политическая ситуация в стране была ничем не лучше, чем в современной России. Свыше одной трети населения США находилось за чертой бедности. Между тем сумма страхового возмещения по вкладам была первоначально установлена на уровне 2,5 тыс. долларов, что соответствует примерно 25 тыс. долларов в современных ценах, и уже через полгода увеличена до 5 тыс. долларов, или 50 тыс. современных долларов. В то время эта сумма означала стопроцентную компенсацию всех вкладов в коммерческих банках. Правительство США понимало, что без обеспечения доверия к банковской системе невозможно её эффективное функционирование, а следовательно, восстановление экономики и расширение финансовых возможностей государства. К сожалению, такого понимания не наблюдается ни у Правительства Российской Федерации, ни у Банка России.

Следует подчеркнуть, что принятие систем страхования депозитов в коммерческих банках в ведущих странах мира было вызвано реакцией на разрушительные последствия системных банковских кризисов на экономику и социально-политическую ситуацию, стремлением предотвратить их повторение в будущем. Поэтому они направлены не на защиту интересов мелких вкладчиков, какой бы важной сама по себе ни была эта задача, а на защиту самих банков от возникновения паники и массового оттока вкладов, что связано с угрозой системного банковского кризиса. В конечном итоге предотвращение этой угрозы является одним из факторов, обеспечивающих социальные гарантии и защиту экономических интересов граждан.

Разработанный в недрах Банка России и принятый законодателями Закон о страховании вкладов физических лиц в коммерческих банках не отвечает указанным критериям и требованиям. И с этой точки зрения он абсолютно бесполезен. Его можно рассматривать лишь как форму повышения уровня налогообложения коммерческих банков, что в сложившихся условиях не может способствовать

экономическому росту в стране. Более того, устанавливая недопустимо низкий размер компенсации вкладов граждан, то есть, по существу, не принимая на себя никаких дополнительных обязательств, Правительство и Центральный банк планируют использовать закон о страховании вкладов для проведения очередной чистки банковских рядов по бюрократическим правилам. В соответствии с Положением Центрального банка № 248-П от 16.01.2004 года «О порядке рассмотрения Банком России ходатайства банка о вынесении Банком России заключения о соответствии банка требованиям к участию в системе страхования вкладов», а также Указанием № 1379-У от 16.01.2004 года «Об оценке финансовой устойчивости банка в целях признания её достаточной для участия в системе страхования вкладов» Банк России фактически намеревается заняться повторным лицензированием уже зарегистрированных банков со всеми вытекающими из этого плюсами для чиновников и минусами для российских коммерческих банков, их кредиторов и вкладчиков. При этом всё это предполагается сделать с нарушением основополагающего принципа законодательства, согласно которому закон обратной силы не имеет. Получается, что банки, которым была предоставлена бессрочная лицензия Банка России на привлечение и размещение вкладов физических лиц, обязаны для сохранения права на данный вид банковской деятельности пройти дополнительную процедуру проверки, по сути, повторного лицензирования со стороны Центрального банка, который и так их постоянно контролирует. Кроме того, неясно, почему банки, которые не будут включены в систему государственного страхования депозитов граждан, предполагается лишить права работы со вкладами физических лиц? Почему просто не обязать указанные банки при приёме депозитов и заключении договоров о вкладе в банк указывать на то, что данный банк не входит в систему обязательного государственного страхования? При этом каждый гражданин брал бы на себя ответственность за размещение своих сбережений в том или ином банке. Ведь принятый закон о страховании не запрещает гражданам иметь депозиты в банках на сумму, превышающую размер страхового возмещения, то есть не ограничивает величину вклада каждого отдельного гражданина суммой страхового возмещения. Абсурдность идеи об ограничении вкладов граждан в банк суммой страхового возмещения, видимо, понятна даже Банку России, похожие мысли у него возникали. В своё время это проявилось в установлении обязательного норматива, ограничивающего совокупные размеры вкладов физических лиц суммой собственного капитала банка. Однако если признать абсурдность хотя бы данной идеи, а не всего закона в целом, то непонятно, в чём законодатели и Банк России видят принципиальную разницу для физического лица: держать незастрахованные средства в банке, включённом в систему страхования, или размещать их в банке, который не стал участником данной системы? Подобных вопросов не возникало бы, если система государственного страхования была бы направлена на обеспечение финансовой устойчивости и предотвращение возможности возникновения системного банковского кризиса. Однако разработчики данного закона указанной цели перед собой не ставили. В целом можно заключить, что **принятый в**

конце 2003 года Федеральный закон «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» не имеет никакого отношения к повышению стабильности функционирования банковской системы и с этой точки зрения является абсолютно бесполезным. Если рассматривать предусмотренные формы и методы его реализации, по существу, предоставляющие Банку России возможность заняться повторным лицензированием коммерческих банков, указанный закон следует оценивать как антиконституционный, исключительно «взяткоёмкий», а следовательно — крайне вредный.

На самом деле политика и деятельность Банка России идут вразрез с интересами повышения стабильности банковской системы страны и укрепления рубля. Если, конечно, под укреплением рубля понимать не искусственное поддержание его валютного курса и превращение национальной валюты в суррогат доллара или евро, а обеспечение условий для выполнения денежными обязательствами российских коммерческих банков всех функций денег. Для этого усиление контроля и повышение требований к коммерческим банкам в соответствии с международными правилами достаточности капитала должны сопровождаться аналогичным повышением ответственности Правительства и Банка России за выполнение своих функций и обязанностей, по крайней мере, в соответствии с международно признанными критериями. В противном случае усиление контроля Центрального банка, в том числе за формированием капитала банков надлежащими активами, опять превращается в деятельность по реализации своих административных амбиций, а также коммерческих интересов, имеющих мало общего с заботой об экономическом развитии страны.

Рассматривая деятельность Банка России по ужесточению контроля и надзора за коммерческими банками, следует выделить ряд конкретных недостатков Положения Центрального банка «О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций». Так, в соответствии с ним в состав источников собственных средств банка не включаются средства, привлечённые им на условиях субординированного кредита, если стороной договора является физическое лицо. Банк России не утруждает себя объяснить причину. Может быть, такой подход объясняется его заботой об интересах мелких вкладчиков, которые могут быть введены в заблуждение и вложить свои средства в банк на условиях повышенного риска? Однако почему тогда он не выступает против самой возможности заключения подобного договора? С другой стороны, физические лица имеют право вкладывать свои средства в покупку акций банка, что связано с большим риском потери указанных средств, чем при предоставлении субординированного кредита, или займа. Почему бы тогда Центральному банку не отказаться от учёта в составе собственных средств банка и средств, привлечённых на условиях договора покупки акций, если стороной договора является физическое лицо? Наконец, если средства физических лиц — участников банка, вложенные в акции банка, учитываются Центральным банком в составе собственных средств банка, почему они не могут учитываться в составе дополнительного капитала банка при вложении их в банк в качестве субординированного кредита/займа, как это принято в отношении юридических лиц?

Такой подход Центрального банка противоречит статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой говорится, что, во-первых, гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела. Во-вторых, физические и юридические лица «приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе». Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. В-третьих, гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Вроде бы договор о предоставлении субординированного кредита/займа между банком и гражданином не нарушает основы конституционного строя, не ущемляет законные интересы других лиц, не угрожает безопасности страны. Тогда почему Центральный банк проводит дискриминационную политику в отношении физических лиц?

Ответ на этот вопрос следует искать, во-первых, в несовершенстве разработанных и утверждённых Центральным банком правил бухгалтерского учёта. В соответствии с ними средства, полученные банком в виде субординированного кредита, учитываются не на специальных счетах, отражающих особый характер, правовой статус и экономическую сущность полученных средств, а на счетах, на которых учитываются кредиты и вклады, полученные на обычных условиях, в соответствии с кредитным договором или договором банковского вклада. Во-вторых — в неправомерной трактовке Центральным банком статьи 837 Гражданского кодекса Российской Федерации. В этой статье говорится, что по договору банковского вклада любого вида, как по вкладам «до востребования», так и по срочным вкладам, банк обязан выдать сумму вклада или её часть по первому требованию вкладчика. Исключение составляют вклады, внесённые юридическими лицами на иных условиях возврата, предусмотренных договором. Однако особо подчёркивается, что условие договора об отказе гражданина от права на получение вклада по первому требованию ничтожно. Вместе с тем одним из условий включения средств, полученных по договору субординированного кредита в состав собственных средств банка, является то, что они не могут быть истребованы кредитором до окончания срока договора. Поскольку Центральный банк требует от банков учитывать денежные средства, полученные от физических лиц по договору субординированного кредита, на тех же счетах, на которых учитываются средства, полученные по договору банковского вклада, он, видимо, считает, что в отношении этих средств распространяются положения статьи 837 Гражданского кодекса. Следовательно, по его мнению, они не могут быть включены в состав собственных средств банка.

Однако договор о предоставлении субординированного кредита неправомерно рассматривать как договор банковского вклада. Это договор иного рода. Он преследует совершенно другие цели. В нём речь идёт о предоставлении банку средств прежде всего на инвестиционно-финансовые нужды. При этом кредитор, или заимодавец (как его следует назвать, используя терминологию Гражданского кодекса), в том случае, если средства предоставляются не кредитными организациями, а другими юридическими и физическими лицами, принимает на себя ряд дополнительных обязательств и рисков. В частности, в случае банкротства банка его требования будут удовлетворены только после удовлетворения требований всех остальных кредиторов и вкладчиков. Правоотношения между банком и физическими лицами, возникающие вследствие заключения договора субординированного кредита/займа, регулируются не статьёй 837, а статьями 807—814 главы 42, а также положениями раздела III Гражданского кодекса Российской Федерации. Неправомерность отождествления договора о предоставлении субординированного кредита с договором банковского вклада становится очевидной, если учесть, что субординированный кредит/заём может быть предоставлен любому юридическому лицу, а не только банку. Между тем договор банковского вклада может быть заключён только с банком. Таким образом, денежные средства, предоставленные банку по договору субординированного кредита/займа физическими лицами, могут и должны включаться Центральным банком в расчёт дополнительного капитала банка наравне со средствами, предоставленными юридическими лицами.

Если следовать логике Центрального банка, а не логике здравого смысла или логике закона, то можно заставить коммерческие банки учитывать и вклады физических лиц в уставный капитал на счетах, по которым отражаются операции по договору банковского вклада, и на этом основании исключать указанные средства из расчёта собственных средств банков. Кстати, принятие Центральным банком столь абсурдных, если не сказать хуже, решений нельзя, к сожалению, исключать — они уже имели место в его практике. Грубое нарушение закона и прав собственников банков для него, как мы уже знаем, не является чем-то новым или необычным. В соответствии с первым вариантом утверждённой им в Положении № 31 от 01.06.1998 года методики расчёта собственных средств (капитала) кредитных организаций, уставный капитал, сформированный банками, организованными в форме общества с ограниченной ответственностью, мог не рассматриваться Банком России в составе собственных средств коммерческих банков.

Возможным объяснением позиции его руководства может являться глубокая неприязнь к малым и средним российским банкам. Именно небольшие банки в основном организованы в форме общества с ограниченной ответственностью. Негативное отношение Центрального банка к этим банкам сформировалось ещё в 1993 году и полностью проявилось в 1994—1998 годах. Однако даже если бы это отношение было обоснованным, оно не даёт права руководству Банка России нарушать действующее

законодательство. В противном случае вообще ставится под вопрос правомочность Банка России осуществлять контроль и надзор за соблюдением законов коммерческими банками.

Тем не менее, возможно, сохранением негативного отношения Центрального банка к малым и средним банкам, перенесённого на мелкий и средний бизнес вообще и права граждан в частности, можно объяснить и его неправомерную позицию по вопросу о субординированном кредите, стороной договора о предоставлении которого является физическое лицо. Однако даже при таком внеправовом подходе не совсем ясны мотивы его руководства, когда оно определяло срок предварительной юридической экспертизы договоров о предоставлении субординированных кредитов. Согласно действующему Положению Банка России, этот срок составляет один месяц со дня получения договора. Установление столь длительного срока может означать либо то, что Банк России испытывает дефицит в квалифицированных кадрах, юристах и экономистах, либо — обычную бюрократическую волокиту с вовлечением в неё других подразделений или государственных ведомств. Для сравнения отметим, что в США для большинства банков, как правило, не требуется предварительного согласия органов государственного регулирования на выпуск долговых обязательств в форме субординированного займа. Банки лишь обязаны уведомить в письменной форме соответствующий орган регулирования их деятельности за 10 дней до выпуска долговых обязательств на условиях субординированного займа или получения субординированного кредита. Предварительное разрешение требуется только для банков, которые имеют неадекватную структуру собственных средств, признаки несостоятельности, или не представляют необходимую отчётность о своей деятельности⁴.

Непонятны причины, по которым исключены из состава собственных средств, учитываемых в рамках основного капитала банков, вложения в уставный капитал российских кредитных организаций. Вложения в уставный капитал иностранных кредитных организаций исключаются лишь в части превышения 20 % капитала банка эмитента. Такая дискриминация в отношении российских банков позволяет заключить, что Банк России стимулирует экспорт капитала, то есть отток банковского капитала из страны. Как это может увязываться с заявленной политикой Правительства о привлечении иностранного капитала в страну, а также с давно провозглашённым Центральным банком лозунгом о необходимости увеличения капитализации российских банков, консолидации и концентрации банковского капитала — не совсем понятно. Кроме того, такой подход создаёт дополнительные трудности для эффективного решения задачи реорганизации проблемных банков.

Неоднозначную реакцию вызывает исключение из состава основного капитала российских банков привилегированных акций с кумулятивным принципом начисления и выплаты дивидендов. Центральный банк обосновывает свою позицию тем, что невыплата дивидендов по этим акциям влечёт за собой формирование долга кредитной организации перед их владельцами. На самом деле это не

⁴ Подробнее см.: Subordinated Debt. Comptroller's Corporate Manual. Washington. DC. April 1998

совсем так. Долг кредитной организации как таковой не возникает. Возникает долг других акционеров перед владельцами таких привилегированных акций. В случае невыплаты или неполной выплаты им причитающихся дивидендов в одном году они, во-первых, получают преимущественное право на получение своей доли в прибыли банка в последующие годы. Во-вторых, это право распространяется на получение всех ранее невыплаченных дивидендов за предыдущие годы. Однако подчеркнём, что это право у них возникает не в любом случае, а только при условии получения банком прибыли. Они не конкурируют с обязательствами банка перед кредиторами и вкладчиками. Страдают, если так можно сказать, только другие акционеры банка. Единственное обстоятельство, которое косвенным образом может затронуть интересы кредиторов и вкладчиков российских банков, заключается в том, что необходимость выплаты дивидендов по кумулятивным привилегированным акциям чисто теоретически ограничивает возможности принятия акционерами банка решения о реинвестиции прибыли в капитал банка. В кризисной ситуации это может отрицательно сказаться на ликвидности и платёжеспособности банка. Однако в случае возникновения такой ситуации и ухудшения финансового положения банка ничто не ограничивает права и возможности Центрального банка принять решение о запрете выплаты дивидендов из прибыли коммерческого банка в отношении всех видов акций. Таким образом, основание, по которому он не включает привилегированные акции с кумулятивным принципом начисления и выплаты дивидендов в расчёт основного капитала кредитных организаций, во многом является надуманным.

Основная причина подобного отношения Центрального банка к привилегированным акциям связана с механистическим перенесением положений Базельского Соглашения о достаточности капитала банков на российскую действительность. При этом не учитывался тот факт, что это Соглашение имеет своей целью установление общих принципов оценки адекватности капитала для крупных международно активных банков. Представители Центрального банка могут, конечно, сослаться на тот факт, что многие страны, подписавшие Соглашение, распространили действие его положений на все национальные коммерческие банки, а не только на международно активные. Однако это было сделано для того, чтобы не создавать для международно активных или транснациональных банков лазеек, которые позволили бы им обойти требования по соблюдению нормативов достаточности капитала за счёт передачи части своих активов более мелким дочерним кредитным организациям. С точки зрения обеспечения контроля надзора за деятельностью российских банков указанная проблема не стоит на первом месте.

Отказ от включения привилегированных акций с кумулятивным принципом начисления и выплаты дивидендов в расчёт основного капитала международно активных банков может быть связан с тем обстоятельством, что их акции и долговые обязательства широко котируются на ведущих фондовых биржах и организованных рынках ценных бумаг. В этих условиях проблемы невыплаты дивидендов по

обыкновенным акциям и отсутствие возможности реинвестирования прибыли в капитал банка в результате погашения задолженности перед владельцами кумулятивных привилегированных акций может отрицательно сказаться на курсе и рейтинге обыкновенных акций и других долговых обязательств банка. В свою очередь, это может затруднить привлечение дополнительного капитала и заёмных средств, обострить проблему поддержания на должном уровне ликвидности банка со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Однако для большинства российских банков данная проблема не стоит (и вряд ли будет стоять) в числе первоочередных в обозримом будущем. Вместе с тем аккумуляция капитала банка с помощью кумулятивных привилегированных акций может оказаться весьма привлекательной для мелких инвесторов. Таким образом, политика дискриминации в отношении кумулятивных привилегированных акций идёт вразрез с провозглашённой Центральным банком задачей увеличения капитала российских банков, тем более что масштабы выпуска привилегированных акций и так достаточно жёстко ограничиваются действующим законодательством. Банку России следовало бы не просто переписывать и механистически переносить нормативно-правовую базу, регулирующую деятельность коммерческих банков в развитых странах мира, а прежде всего учитывать конкретные проблемы российской экономики и банковской системы. Кстати, в США, несмотря на подписанное Базельское Соглашение, с 1996 года допускается на определённых условиях, связанных с использованием средств, полученных за счёт размещения кумулятивных привилегированных акций, их включение в состав основного капитала.

В методике расчёта собственных средств кредитных организаций, применяемой Центральным банком, не учитываются также гибридные долговые обязательства, имеющие черты облигаций и акций. Между тем, согласно Базельскому Соглашению о достаточности капитала банков, такие обязательства учитываются в составе дополнительного капитала банков без каких-либо ограничений по сравнению с субординированными кредитами⁵. Таким образом, в одном случае, **когда речь идёт об ограничении возможностей российских банков по формированию собственных средств, а следовательно, масштабов их активных операций, Центральный банк механистически применяет международные правила достаточности капитала. В другом случае, когда речь может идти о расширении указанных возможностей и увеличении объёмов кредитования национальной экономики, Банк России почему-то забывает об этих международных правилах.**

Гибридные долговые обязательства и ценные бумаги могут предоставлять право на участие в прибыли, но не в управлении банком. В этом они похожи на привилегированные акции. Но по сравнению с привилегированными акциями, они могут иметь ограниченный срок обращения, то есть подлежать погашению, и в этом своём качестве напоминают субординированные кредиты. Правда, в отличие от субординированных кредитов, они не могут погашаться денежными средствами: они могут

⁵ Величина субординированных кредитов, учитываемая в составе дополнительного капитала, не может превышать 50 % суммы основного капитала банков

погашаться либо акциями, либо облигациями банка. В США такие долговые обязательства называются долговыми инструментами с обязательной конверсией. Возможен и другой вариант. Держатели гибридных долговых обязательств получают доход в виде процента, как по облигациям или по договору субординированного кредита, однако эти долговые обязательства не имеют срока погашения. К таким гибридным обязательствам относятся бессрочные долговые инструменты, получившие распространение, например, в Великобритании.

Главное отличие гибридных долговых обязательств от субординированных кредитов состоит в том, что первые могут быть направлены на погашение убытков в процессе функционирования банка. Субординированный кредит направляется на погашение убытков только в случае ликвидации банка: обязательства перед держателями субординированного долга погашаются после удовлетворения требований всех остальных кредиторов и вкладчиков.

С точки зрения банков преимуществом гибридных долговых обязательств является, во-первых, то, что они могут выпускаться вне зависимости от формы организации банка. Они могут эмитироваться банками, организованными как в форме акционерного общества, так и общества с ограниченной ответственностью. Во-вторых, такие долговые обязательства позволяют расширить инвестиционные и финансовые возможности банков в экономических ситуациях, которые могут рассматриваться как неблагоприятные для выпуска и размещения акций.

В России подобной формой долговых обязательств попробовал воспользоваться *Русский банк имущественной опеки*⁶. Собрание акционеров в преддверии кризиса 1998 года приняло решение о необходимости незамедлительного увеличения собственных средств банка. Неизбежность приближения кризиса стала всё больше ощущаться за несколько месяцев до августовского дефолта. В частности, об этом свидетельствовало изменение Банком России условий предоставления ломбардных кредитов, обеспечением которых являлись государственные ценные бумаги. Он стал жёстко контролировать как сроки выдачи, так и объёмы предоставляемых им кредитов под залог государственных краткосрочных обязательств. С июля 1998 года Банк России отказался от предоставления ломбардных кредитов по заявкам банков. Тем самым исключалась возможность того, что накануне дефолта на руках у него в качестве полученного залога может оказаться значительный объём государственных краткосрочных облигаций. Выдача ломбардных кредитов стала осуществляться только на основе аукционов, время проведения которых определялось и контролировалось самим Банком России. При этом сроки

⁶ Русский банк имущественной опеки (РБИО) создан в феврале 1994 года, имеет расширенную лицензию Банка России на право совершения банковских операций в рублях и иностранной валюте, обладает лицензией Министерства финансов России на осуществление деятельности по управлению активами негосударственных пенсионных фондов. Согласно декабрьскому номеру за 2003 год влиятельного английского журнала «THE BANKER», Русский банк имущественной опеки (ОАО) занял 44 место в ежегодно публикуемом рейтинге 50 крупнейших банков России. В рейтинге, публикуемом газетой «Известия» (Приложение «Финансовые известия» от 13 апреля 2004 года), банк занимал 58 место по размерам собственного капитала по состоянию на 1 января 2004 года. Согласно рейтингу журнала «Профиль» от 8.03.2004 года (Приложение «Банки»), РБИО входит в список 50 самых надёжных банков России, занимая 43 место по состоянию на 1 января 2004 года. Более подробную информацию о РБИО смотри на сайте банка: www.rptb.ru

предоставления кредитов были сокращены с 14 до 7 дней, а средневзвешенная процентная ставка по ним многократно возросла. Если ещё в апреле месяце она составляла 30 процентов, то в начале августа — свыше 150 процентов. И это притом, что количество банков, которые могли получить кредит Банка России, было крайне невелико. Всё это свидетельствовало о том, что, хотя в соответствии с условиями выпуска государственных краткосрочных обязательств гарантом их погашения был определён Банк России, он не стремился выполнить свои обязательства перед держателями государственных краткосрочных облигаций в случае отказа Правительства платить по своим долгам. Более того, он всё делал для того, чтобы ограничить свои возможные убытки, которые неизбежно должны были возникнуть у всех держателей государственных ценных бумаг после объявления дефолта. Иными словами, создавались условия, при которых все убытки перекладывались на основную часть коммерческих банков, их клиентов, а также других держателей государственных ценных бумаг.

В такой ситуации быстро увеличить капитал и создать необходимые финансовые резервы для предотвращения возможных последствий надвигающегося кризиса можно было только в неординарной форме. В качестве такой формы Русским банком имущественной опеки были выбраны специальные резервные вклады акционеров банка. С точки зрения банка они представляли собой беспроцентные долговые обязательства, которые могли быть погашены только акциями нового выпуска. Как и средства резервного фонда, они должны были в первоочередном порядке направляться на покрытие убытков в случае их возникновения. Естественно, что, как субординированные кредиты, требования по специальным резервным вкладам в случае банкротства банка могли быть удовлетворены только после удовлетворения требований всех остальных кредиторов и вкладчиков. Единственное право, которое предоставляли специальные резервные вклады их держателям, — право преимущественного приобретения на всю сумму вклада акций банка нового выпуска после регистрации проспекта эмиссии в Центральном банке. Таким образом, по своему экономическому и правовому статусу указанные долговые обязательства можно рассматривать в качестве гибридных, которые практически не отличались от других собственных средств банка, учитываемых в составе основного капитала.

Здесь могут возникнуть вопросы. Первый: почему акционеры не стали дожидаться регистрации в Центральном банке проспекта эмиссии акций? Прежде всего это было связано с тем, что, благодаря установленной Банком России процедуре регистрации и выпуска акций, может пройти много месяцев до того момента, как денежные средства, перечисленные в оплату акций, окажутся в распоряжении банка. До утверждения Центральным банком отчёта об итогах выпуска все средства, полученные в результате эмиссии акций, должны были зачисляться на специальный накопительный счёт в Банке России и не могли быть использованы банком. Такая процедура увеличения уставного капитала является собственным изобретением Банка России, не описанным ни в каких международных правилах. Вместе с тем экономическая ситуация в стране, во многом созданная по вине Правительства и Банка

России, не предоставляла Русскому банку имущественной опеки возможности спокойно дожидаться указанного момента и диктовала свои условия выживания. Вопрос второй: почему акционеры банка не внесли денежные средства в качестве депозита или не предоставили субординированный кредит? Дело в том, что, во-первых, денежные средства, внесённые на депозит, не могут рассматриваться в качестве собственных средств банка. Между тем в случае резкого ухудшения экономической ситуации в стране возрастает вероятность появления проблемных кредитов, и как следствие — необходимость создания дополнительных резервов на возможные потери по ссудам. На практике это означает соответствующее увеличение статьи расходов и возможность появления балансовых убытков. Это может привести к снижению показателя достаточности капитала банка и нарушению установленных Центральным банком обязательных нормативов. В свою очередь, последнее обстоятельство чревато тем, что территориальное управление Банка России наложит на банк денежный штраф и/или примет решение об ограничении операций банка. Такие формы «спасения» кредитных организаций, или «предотвращения банкротств», активно практикуемые Центральным банком, естественно, не могут не сказаться отрицательно как на акционерах банка, так и на его клиентах, кредиторах и вкладчиках. И всё это могло произойти несмотря на то, что акционеры банка предприняли необходимые меры по увеличению собственных средств и финансовых возможностей банка. Однако эти меры не могли быть отражены в балансе банка. Во-вторых, невозможность оказания финансовой помощи в виде внесения средств в депозиты банка и/или предоставления субординированного кредита объясняется тем обстоятельством, что в число акционеров банка входят не только юридические, но и физические лица. Между тем в соответствии с обязательными нормативами Центрального банка размеры депозитов и займов, принимаемых от физических лиц, были ограничены размерами собственного капитала банка. Кроме того, займы, привлечённые на условиях субординированного кредита, если стороной договора является физическое лицо, не рассматриваются Центральным банком в качестве собственных средств банка.

Однако главный вопрос заключается в том, на каких балансовых статьях следует учитывать гибридные долговые обязательства. В плане счетов бухгалтерского учёта Центральный банк не предусмотрел статей, на которых бы учитывались долговые обязательства, приравненные к собственным средствам банка. Вместе с тем в утверждённых Банком России правилах ведения бухгалтерского учёта отмечается, что одной из основных задач бухгалтерского учёта является выявление внутрихозяйственных резервов для обеспечения финансовой устойчивости кредитной организации и предотвращения отрицательных результатов её деятельности. Кроме того, говорится, что при разработке плана счетов бухгалтерского учёта и правил его применения учитывался такой принцип бухгалтерского учёта, как приоритет содержания над формой. Имеется в виду, что операции должны отражаться в соответствии с их экономической сущностью, а не юридической формой. Принимая во внимание вышеизложенное, руководство банка пришло к заключению, что специальные резервные

вклады акционеров по своему экономическому содержанию в наибольшей степени соответствуют денежным средствам, учитываемым на счёте «резервный фонд».

Итак, акционеры Русского банка имущественной опеки в целях повышения его финансовой устойчивости накануне объявленного государством дефолта предприняли все возможные и не противоречащие закону и международным правилам усилия по увеличению собственных средств банка в как можно более сжатые сроки. Всё это соответствовало требованиям Центрального банка, отвечало интересам вкладчиков и кредиторов. Принятые меры себя полностью оправдали: они позволили преодолеть негативные последствия разразившегося системного банковского кризиса, поддерживая ликвидность банка на высоком уровне, полностью выполняя все обязательства перед кредиторами и вкладчиками. В этой связи последующая реакция представителей Банка России на предпринятые Русским банком имущественной опеки меры может показаться более чем странной. Однако она позволяет понять, что реальные цели бюрократического аппарата Центрального банка полностью противоречат официально заявленным и установленным в соответствии с Федеральным законом «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)». Его представители в октябре 1998 года заявили о незаконном формировании банком резервного фонда, поскольку действия банка противоречат Положению Банка России № 9-П от 23.12.1997 года «О порядке формирования и использования резервного фонда кредитной организации». В соответствии с данным Положением резервный фонд должен формироваться только за счёт прибыли банка. При этом чиновниками Банка России не принимался во внимание тот факт, что специальные резервные вклады не являлись по своей юридической форме средствами резервного фонда, а лишь учитывались на одноимённом счёте по причине того, что, во-первых, Центральный банк не предусмотрел выделение соответствующих счетов и, во-вторых, потому, что экономическое содержание этих вкладов в наибольшей степени соответствовало средствам, учитываемым в составе резервного фонда. Иными словами, специальные резервные вклады учитывались банком в соответствии с таким принятым Центральным банком принципом бухгалтерского учёта, как приоритет содержания над формой. В нарушение своей собственной Инструкции № 59 от 31.03.1997 года представители Центрального банка потребовали от банка уменьшения резервного фонда, пересчёта величины собственного капитала и наложения на банк крупного денежного штрафа за якобы представленную в надзорный орган недостоверную отчётность. Даже если не рассматривать необоснованность и неправомерность высказанных Центральным банком претензий и требований в адрес Русского банка имущественной опеки, а только исходить из целей и задач органов надзора и контроля Центрального банка, то очевиден противозаконный характер их деятельности. В соответствии с законодательством основная цель и задача деятельности этих органов заключается в защите интересов кредиторов и вкладчиков банка. Все меры, предпринятые руководством Русского банка имущественной опеки, с точки зрения их экономического содержания

полностью соответствуют требованиям закона и Центрального банка. Особенно если учитывать конкретную экономическую обстановку в стране во время их принятия. Возможно, были допущены некоторые нарушения по форме, которые, однако, были главным образом связаны с недостатками деятельности самого Центрального банка, системы бухгалтерского учёта и отчётности, во многом не соответствующей международным стандартам. И наоборот, в случае выполнения банком требований Центрального банка, ставящих во главу угла форму, а не экономическую сущность операции, могли серьёзно пострадать интересы кредиторов и вкладчиков банка, что, по существу, противоречит действующему законодательству. Почему мы так подробно останавливаемся на проблемах, с которыми столкнулся Русский банк имущественной опеки при отстаивании своих позиций, а также интересов кредиторов и вкладчиков перед представителями Центрального банка, на которых эти функции возложены по закону? Дело в том, что пример с этим банком, с одной стороны, показывает типичную позицию бюрократии Банка России, не имеющую ничего общего с задачами повышения стабильности банковской системы и защитой интересов кредиторов и вкладчиков коммерческих банков. Эта бюрократия пренебрежительно относится к действующему законодательству. Данный пример даёт представление о том, к каким негативным последствиям могут привести меры по ужесточению контроля территориальных управлений Центрального банка за формированием собственных средств кредитных организаций надлежащими активами инвесторов. С другой стороны, позиция Русского банка имущественной опеки является абсолютно нетипичной для большинства российских коммерческих банков, которые не решаются отстаивать свои законные интересы перед бюрократическим аппаратом Центрального банка.

Опыт Русского банка имущественной опеки в значительной степени является уникальным для российской банковской системы. Коммерческий банк не стал добиваться нахождения компромисса с соответствующими чиновниками Банка России, а попытался защитить свои интересы в суде. Необходимо отметить, что это дело для нашей страны исключительно рискованное. Во-первых, экономические законы составлены и обставлены подзаконными актами государственных ведомств таким образом, что при их полном соблюдении по форме ставится под вопрос сама возможность ведения бизнеса в России. И банковский бизнес не является исключением. Во-вторых, **административные возможности Центрального банка таковы, что позволяют ему закрыть практически любой банк. Такими правами, как у Банка России, не располагает ни один центральный банк ни в одной из развитых стран мира.** В этих условиях, для того чтобы решиться на борьбу с Банком России с помощью закона, требуется немало мужества. Ещё более уникальным является тот факт, что Русский банк имущественной опеки добился по крайней мере промежуточной победы в Верховном суде Российской Федерации. Своим Определением от 17 августа 1999 года по делу КАС 99-194 Верховный суд признал незаконным Положение Центрального банка № 9-П «О порядке формирования и

использования резервного фонда кредитной организации». Следовательно, незаконными были признаны и основанные на этом Положении претензии и требования Банка России к Русскому банку имущественной опеки. Указанное решение Верховного суда Российской Федерации могло вызвать лавину исков к Центральному банку от других коммерческих банков с требованием компенсации понесённых убытков в результате незаконных санкций и возврата взысканных штрафов. То, что этого не произошло, может свидетельствовать о том, что процесс реставрации административно-командной системы управления банками со всеми вытекающими отсюда отрицательными социально-экономическими последствиями набрал большие обороты.

Вместе с тем принципиальная позиция руководства Русского банка имущественной опеки привела к тому, что впервые от Центрального банка потребовали не только следить за тем, как выполняют закон коммерческие банки, но и самому соблюдать нормы действующего законодательства. До этого случая его руководство при издании своих нормативных документов не утруждало себя соблюдением ряда положений Федерального закона «О Банке России». Примерно из 2 300 принятых Центральным банком к 2000 году нормативных документов только около 10 % были изданы с полным соблюдением действующего законодательства: зарегистрированы в Министерстве юстиции Российской Федерации, приняты на основании решения Совета директоров, подписаны Председателем Центрального банка и так далее. Бескомпромиссная позиция Русского банка имущественной опеки, с одной стороны, заставила руководство Центрального банка более внимательно относиться к действующему законодательству: в настоящее время все издаваемые им нормативные акты проходят регистрацию в Министерстве юстиции. С другой стороны, руководство Центрального банка добилось внесения в Федеральный закон «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» поправок, которые придали законный характер ранее незаконной практике подписания нормативных документов не Председателем Центрального банка, а его заместителями.

Для Русского банка имущественной опеки такая принципиальная позиция не прошла даром. Проиграв дело в Верховном суде Российской Федерации, представители Центрального банка направили документы в налоговую полицию. Их точка зрения состояла в том, что если признать законным отнесение специальных резервных вкладов акционеров к собственным средствам банка, то указанные вклады должны рассматриваться в качестве дара акционеров банку. Следовательно, Русский банк имущественной опеки должен был уплатить с них налоги, чего он не сделал и тем самым грубо нарушил налоговое законодательство. Естественно, указанные утверждения и обвинения в адрес коммерческого банка не имели под собой никаких оснований. Денежные средства не были переданы банку в качестве дара, они оставались в собственности акционеров и предоставляли им преимущественное право приобретения на сумму вклада акции банка нового выпуска после регистрации проспекта их эмиссии в Центральном банке. Однако руководству Русского банка

имущественной опеки пришлось потратить немало нервов и сил, прежде чем этот вопрос на основании Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 4 апреля 2003 года № КА-А40/1780-03, подтвердившего абсолютную законность действий акционеров и исполнительных органов банка, был полностью урегулирован с налоговыми органами.

На этом проблемы банка не закончились. При неоднократном представлении Русским банком имущественной опеки в Главное управление Центрального банка Российской Федерации по г. Москве пакета документов для регистрации проспекта эмиссии акций, в котором предусматривалась капитализация специальных резервных вкладов акционеров, в его регистрации каждый раз банку отказывалось. При этом Русский банк имущественной опеки с самого начала в соответствии с действующим законодательством уплатил так называемый эмиссионный налог в размере 3 млн. рублей, который не подлежит возврату из бюджета. Основанием для отказа в регистрации проспекта эмиссии служили, во-первых, вышеописанные факты о якобы допущенных банком нарушениях в процессе формирования резервного фонда, во-вторых, отказ мотивировался тем, что в соответствии с действующими нормативными актами в случае капитализации собственных средств новые акции должны быть пропорционально распределены среди всех действующих акционеров.

Если не учитывать особый характер формирования резервного фонда банка, вернее, даже не самого резервного фонда, а увеличение размеров средств, учитываемых на балансовом счёте «резервный фонд», то с позицией Центрального банка можно было бы согласиться. Однако он должен был обратить внимание, во-первых, на тот факт, что решение о внесении акционерами специальных резервных вкладов было единогласно принято общим собранием акционеров, причём накануне дефолта 1998 года. Во-вторых, указанным решением всем акционерам, внесшим специальные резервные вклады, предоставлялось преимущественное право приобретения новых акций банка на сумму вклада. Иными словами, все действующие акционеры передали своё преимущественное право на получение акций нового выпуска тем акционерам, которые внесут средства в специальный резервный фонд накануне экономического кризиса. Это было обусловлено пониманием того, что тот, кто берёт на себя больший риск, должен получить и преимущественное право. Именно акционеры, предоставлявшие банку средства в форме специальных резервных вкладов, и брали на себя дополнительный риск. Эти средства могли быть направлены на погашение возможных убытков банка. Если бы это произошло, то ни о каком получении акций банка нового выпуска на сумму вклада речь бы уже не шла. Таким образом, ничего противозаконного в этом решении акционеров нет. Тем более что никто из них в процессе утверждения проспекта эмиссии акций нового выпуска на общем собрании акционеров не поднимал вопроса о правомерности такого распределения новых акций банка и не обратился ни в суд, ни в Центральный банк с заявлением об ущемлении его прав как акционера.

Итак, формально показывая свою заботу о защите интересов инвесторов, представители Центрального банка руководствовались своими амбициями и просто предпринимали меры, препятствовавшие коммерческой деятельности Русского банка имущественной опеки, нарушая тем самым в очередной раз действующее законодательство. В банк направлялись комиссии по проверке его деятельности за один и тот же период времени, что также противоречит новой редакции Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Действия Главного управления Центрального банка по городу Москве были обжалованы в Арбитражном суде города Москвы. Арбитражный суд в июне 2000 года полностью подтвердил неправомочность решений чиновников Банка России в отношении Русского банка имущественной опеки — как по вопросу формирования резервного фонда, так и новой эмиссии акций, и обязал Центральный банк зарегистрировать новые выпуски акций Русского банка имущественной опеки.

Однако Банк России не выполняет вступившее в силу решение суда и обжалует его в апелляционной инстанции. Перед этим он в пылу борьбы с Русским банком имущественной опеки, злоупотребляя правом, изменяет свои нормативные документы, регламентирующие порядок формирования и использования резервного фонда. Издаётся Указание Центрального банка от 03.04.2000 года № 769-У и Положение Центрального банка от 24.04.2000 года № 112-П «О порядке формирования и использования резервного фонда кредитной организации». При этом Банком России допускается целый ряд юридических неточностей, нарушений и фальсификаций. Так, Указанием № 769-У Центральный банк пытается исключить из подпункта «г» пункта 13.3 Инструкции Центрального банка от 17.09.1996 года несуществующий 8-й абзац, подразумевая, как выяснилось потом в суде, абзац о разрешении капитализации резервного фонда кредитной организации. А Положением № 112-П вводит примечания к статье 3 «Использование резервного фонда», с помощью которых пытается придать данному нормативному акту обратную силу. Устанавливается, что не подлежит капитализации резервный фонд кредитной организации, сформированный за счёт взносов акционеров в период с 31.12.1999 года до начала действия данного Положения. Таким образом, руководство Банка России опускается до того, что с помощью своих нормативных актов начинает вести борьбу против одного конкретного банка.

Однако суд апелляционной инстанции 16 августа 2000 года признал необоснованными дополнительные доводы Центрального банка и ссылку на его Положение от 24.04.2000 года № 112-П «О порядке формирования и использования резервного фонда кредитной организации». Суд вполне обоснованно замечает, что данный нормативный документ был принят после необоснованного отказа Банком России в регистрации проспекта эмиссии акций Русского банка имущественной опеки и обратной силы иметь не может. Суд апелляционной инстанции решил, что суд первой инстанции сделал обоснованный вывод о том, что принятие общим собранием акционеров Русского банка имущественной

опеки решения о проведении эмиссии акций не противоречит действующему законодательству, а отказ Центрального банка в регистрации выпусков акций не соответствует закону и нарушает права и законные интересы банка.

Решение суда, теперь уже подтверждённое апелляционной инстанцией, снова цинично не исполняется Центральным банком. Его руководство, по всей видимости, задействует весь свой «административный ресурс» и находит полное понимание в судебной коллегии Федерального арбитражного суда Московского округа. Кассационная инстанция отменяет решения судов первой и апелляционной инстанций и направляет дело на новое рассмотрение, рекомендуя по-новому трактовать законы и нормативные документы. Понятно, что нижестоящими судами указанные «рекомендации» берутся «под козырёк», и все последующие решения судов по данному вопросу принимаются в пользу Банка России.

Действия Банка России могут быть объяснены защитой «чести мундира», а не интересами развития российской банковской системы и целями защиты интересов кредиторов и вкладчиков коммерческих банков. **Пример с Русским банком имущественной опеки свидетельствует также о том, что деятельность органов банковского надзора и контроля Центрального банка далеко не всегда соответствует целям, которые возложены на них по закону и поставлены перед ними решениями самого Банка России.** Этот пример позволяет представить, к каким негативным последствиям может привести само по себе положительное решение Центрального банка об усилении контроля и надзора за формированием коммерческими банками собственных средств «надлежащими активами» инвесторов и какие неприятные сюрпризы могут ожидать коммерческие банки, их клиентов, кредиторов и вкладчиков при проведении повторного лицензирования им банков на предмет их включения в систему страхования депозитов физических лиц. Всё это говорит о том, что проблема модернизации и повышения ответственности Банка России является первоочередной, без её решения невозможны ни ускорение социально-экономического развития страны, ни повышение стабильности банковской системы, ни рост доверия к национальной валюте и достижение полной конвертируемости рубля.

При решении данных вопросов целесообразно использовать опыт ведущих стран мира. В этой связи прежде всего следует отметить, что ни в одной из указанных стран центральный банк не обладает правом лицензировать коммерческие банки. Следовательно, не наделён он и правом отзыва банковской лицензии. Более того, в последние годы наметилась явная тенденция ограничения полномочий центральных банков в области пруденциального надзора и контроля над коммерческими банками, то есть именно в той сфере деятельности, которой наиболее активно занимается Банк России ⁷.

⁷ Термин «пруденциальный» в переводе означает «благоразумный» или «продиктованный благоразумием». К сожалению, в этом значении его нельзя применить к деятельности Банка России. Сам он под пруденциальными нормами понимает установленные им обязательные нормативы, а под пруденциальным регулированием — свою деятельность по контролю и надзору за соблюдением указанных обязательных нормативов кредитными организациями

В Австрии, Великобритании, Германии, Швеции, в целом ряде других европейских стран, а также в Японии эти функции были переданы вновь образованным государственным агентствам по контролю и надзору за финансовым рынком. Последние представляют собой самостоятельные органы исполнительной власти, в ряде стран непосредственно подчинённые главе правительства. Они занимаются лицензированием банков, инвестиционно-финансовых компаний или профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также страховых компаний, контролируя их деятельность на микроэкономическом уровне.

Основная причина подобных изменений институциональной структуры государственного регулирования банковской деятельности в европейских странах и Японии связана с процессом всё большего стирания границ между функциями банков, инвестиционно-финансовых и страховых компаний. При этом образуются финансовые группы, которые конкурируют между собой по всему спектру услуг, предоставляемых указанными компаниями и банками. Аналогичный процесс наблюдается и в России, но, в отличие от нашей страны, в ведущих странах мира пришли к заключению, что такое стирание границ порождает необходимость в едином органе государственной власти, осуществляющем контроль и надзор за всеми видами указанной деятельности. Он должен заниматься вопросами платёжеспособности банков, финансово-инвестиционных и страховых компаний, соблюдением ими действующего законодательства, а также защитой интересов потребителей их услуг. По мнению зарубежных специалистов, это приведёт к повышению эффективности контроля и надзора за участниками финансового и денежного рынков, что будет способствовать росту стабилизации финансовой системы в целом.

В то же время в этих странах повышаются полномочия центральных банков, их ответственность за обеспечение стабильности и бесперебойности системы расчётов, предотвращение системных банковских кризисов, за проведение денежно-кредитной политики в соответствии с потребностями экономического роста при сохранении относительной стабильности цен. Роль центральных банков возрастает и в вопросе обеспечения эффективного функционирования всей расчётно-платёжной системы государства. Создаются также необходимые условия для большей координации финансовой и денежно-кредитной политики на институциональном уровне.

Со стороны представителей центральных банков ряда стран зоны евро звучали предложения об объединении контрольных функций в области банковской, инвестиционно-финансовой и страховой деятельности в рамках центрального банка. В качестве аргументов приводились: наличие у центрального банка большого опыта, накопленного в вопросах контроля; высокий уровень профессионализма его сотрудников, а также возможность получения информации о реальном финансовом состоянии банков и проблемах финансового сектора в рамках реализации денежно-кредитной политики. В частности, отмечалось, что в процессе проведения операций на открытом рынке

центральный банк и коммерческие банки выступают в роли равноправных партнёров, а с равноправным партнёром, как известно, более охотно делятся своими проблемами, чем с контролирующим органом. Однако все эти аргументы не нашли понимания у законодателей значительного числа стран. Они посчитали, что в этом случае существенно возрастает опасность чрезмерной концентрации экономической власти в руках центрального банка и превращения его в огромного неконтролируемого бюрократического монстра, что негативно скажется на системе сдержек и противовесов, лежащей в основе демократических принципов управления экономикой. То, что эти опасения не лишены оснований, как раз и демонстрирует опыт России.

Российским законодателям следовало бы воспользоваться опытом европейских стран и передать функции лицензирования банков, пруденциального надзора и контроля новому органу, не зависящему от Банка России. Целесообразно было бы использовать и опыт США, где существует два параллельных уровня лицензирования и контроля над деятельностью коммерческих банков: федеральный уровень и уровень штатов. На федеральном уровне лицензируются так называемые банки с «общенациональной лицензией». Ответственность за регистрацию и лицензирование указанных банков возложена на Управление контролёра денежного обращения, которое является относительно самостоятельным структурным подразделением министерства финансов. Указанное управление осуществляет контроль и надзор за деятельностью этой группы банков на микроэкономическом уровне, выдаёт разрешения на их слияния и открытие филиалов, а также принимает решение о ликвидации банков данной группы. При этом все банки с «общенациональной лицензией» обязаны вступить в члены Федеральной резервной системы и быть застрахованы в Федеральной корпорации по страхованию депозитов. На них распространяются все нормы и правила федерального законодательства.

Однако основная часть коммерческих банков лицензируется и регистрируется в соответствии с законодательством соответствующих штатов. Органы государственного регулирования банковской деятельности на уровне штатов лицензируют указанные банки, выдают разрешения на слияние и открытие филиалов, а также принимают решение об их ликвидации. В этом процессе принимает участие Федеральная корпорация по страхованию депозитов, в которой должно быть застраховано подавляющее большинство всех американских коммерческих банков, независимо от того, получили они лицензию на уровне штатов или на федеральном уровне. Коммерческие банки, получившие лицензию на уровне штатов, по собственному желанию могут вступать или не вступать в число банков — членов Федеральной резервной системы. В случае их вступления в её члены контроль и надзор за их деятельностью осуществляется как Федеральной резервной системой, так и органами регулирования банковской деятельности штатов. Если коммерческий банк не вступает в члены Федеральной резервной системы (к таким относится примерно 60 % всех коммерческих банков), контроль и надзор за его

деятельностью, помимо органов банковского регулирования штатов, осуществляется Федеральной корпорацией по страхованию депозитов.

Для России также было бы целесообразным осуществлять лицензирование банков на федеральном уровне и уровне субъектов Федерации. При этом последние могли бы сами определять минимальный размер капитала для вновь регистрируемых банков с учётом экономического положения и потребностей в банковской деятельности своих регионов. По крайней мере, опыт организации банковской системы в США нуждается в значительно более глубоком изучении и использовании российскими законодателями. США, как и Россия, является федеративным государством, президентской республикой, она сравнима с нашей страной и по территории, и по численности населения. Не говоря уже о том, что банковская система США, несмотря на все имеющиеся у неё недостатки, позволила американской экономике занять лидирующее место в мире.

Однако **главная проблема повышения эффективности функционирования банковской системы в России связана с необходимостью принятия мер, реально повышающих ответственность Банка России за состояние экономики страны и ограничивающих возможность проявления коммерческих интересов в его деятельности.** Может быть, тогда Центральный банк наконец займётся разработкой ответственной денежно-кредитной политики, решением действительно насущных проблем экономического роста и повышения доверия к банковской системе и национальной валюте, а не будет уходить от ответственности за фактическое отсутствие у него такой политики, прикрываясь своей деятельностью по усилению контроля и надзора за коммерческими банками в целях защиты интересов кредиторов и вкладчиков, что на деле приводит к совершенно противоположным результатам. Нынешняя политика Банка России подрывает социально-политическую и экономическую стабильность страны. В надежде на перемены в политике этого крупнейшего государственного органа хотелось бы высказать свои мысли по его реформированию, указать на основные факторы, которые необходимо учитывать Центральному банку при переопределении целей его деятельности и проведении ответственной денежно-кредитной политики, и предложить новую парадигму его экономически обоснованной денежно-кредитной политики.